

ОБРАЗ МОСКВЫ В РОМАНЕ И.С.ШМЕЛЕВА «ПУТИ НЕБЕСНЫЕ»

(La imagen de Moscú en la novela de I. S. Šmelev
“Los caminos celestiales”)

Елена Андриюкова

Кому государственнй педагогический институт (Россия)

Elena Andriukova

Instituto Pedagógico Estatal de Komi (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española, 4 (2008), 135-140.

RESUMEN

El presente artículo está dedicado a un autor clave que pertenece a la emigración rusa postrevolucionaria; se analiza la oposición metafísica Moscú-San-Petersburgo en la literatura rusa y se descubren los nuevos significados que adquiere la imagen de Moscú como concepto clave cultural en la novela de I. Shmelev y que se relacionan con las reflexiones del autor sobre los caminos históricos de Rusia.

Palabras clave: oposición semántica, imagen de la ciudad, Moscú sagrada.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается один из самых интересных романов И.Шмелева, писателя первой послереволюционной волны русской эмиграции; роман «Пути небесные» анализируется в контексте ключевой для русской культуры смысловой оппозиции Москва-Петербург, основное внимание уделено образу Москвы, который обретает новые смыслы и впитывает в себя авторские размышления о путях исторического развития России.

Ключевые слова: смысловая оппозиция, образ города, Москва сакральная.

В русской культуре и литературе, начиная с XVIII века, утвердилось восприятие двух российских столиц – Москвы и Петербурга – как двух ориентиров в духовном пространстве русского человека, причем в данной смысловой оппозиции Москва ассоциировалась с патриархальностью, соборностью и представляла антиподом «европейского» Петербурга. Интересно, что смысловая антитеза Москва – Петербург становится ключевой в русской литературе первой половины XX века, попытавшейся осмыслить глобальные революционные сдвиги в истории России, а образ Москвы получает развитие и обретает новые смыслы в творчестве таких крупных представителей литературы Русского зарубежья, как А. Ремизов, И. Шмелев, М. Осоргин и др. В данной статье мы попытаемся исследовать образ Москвы в романе И. Шмелева «Пути небесные» как феномен культуры, как концепт в когнитивном пространстве русского человека, выражающий метанаправленность исторического пути России.

В начале 20 века в русской литературе сформировались три лика Москвы: Москва сакральная, часто выступающая смысловым заместителем прежней Руси: Святой, патриархальной, с древними традициями благочестия и крепкой семьи; Москва бесовская; Москва праздничная. Первые два варианта взаимоотторгаемы и взаимосвязаны одновременно, а третий объединяет их, «порождая амбивалентный, вполне соответствующий традициям народной культуры образ города» (Меднис 2003: 43).

В связи с первыми двумя образами Москвы можно указать на схожесть с ними и «двух мифологизированных концептов «град Китеж» и «второй Вавилон» (Левкиевская 1997: 828). Первый, как пишет Е.Е. Левкиевская, начинает формироваться в кругах русских теософов сразу после революции, что связано с глубоким переживанием крушения в 1917 году России и Москвы как ее центра, сердца. В это время возникает и широко распространяется мысль о незримом существовании прежней Святой Руси и Москвы вкупе с нею. “В рассказах и легендах на эту тему,- замечает Е.Е. Левкиевская, - образ города раздваивается - внешне лишенный света, одичавший от собственной жестокости и залитый кровью, он оказывается полон тайных светильников, до времени закрытых от постороннего глаза, невидимых троп и путей, по которым осуществляется передача духовной литературы и писем из ссылок и лагерей. Здесь избранным по молитве являются Богородица или Николай Угодник, в трудную минуту приходящие на помощь православному человеку, но невидимые для окружающих его атеистов. Москва - “Китеж-град” незримо существует, растворенная в другом городе - “Втором Вавилоне”” (Левкиевская 1997: 829).

Роман И.С. Шмелева «Пути небесные», повествующий об истории двух реальных людей: скептика-материалиста Виктора Вейденгаммера и глубоко верующей Дарьи Королевой, создает двойственный образ Москвы, соответствующий концептам «Китеж» и «второй Вавилон» (или Москвы сакральной и бесовской). Город становится точкой стяжения разноплановых сущностей, точкой, в которой признаки древнепрестольного града уживаются с шумом европейской столицы, где бальные наряды дамы для великосветских приемов соседствуют с ватной шубкой золотошвейки с Малой Бронной, где захолустье спокойно живет в двух шагах от блестящего центра. Идеал древней столицы с ее благочестием исчезает под натиском новой, свободной жизни.

В период, когда Виктор уезжает в Петербург, главные герои попадают под власть искушения: Виктор «не мог понять, как с ним случилось самое гадкое, самое грязное, что было в его жизни <...> случилось совершенно необычайное, бесовское...» (Шмелев 2004: 323), Дарья «была отдана во власть соблазну» (Шмелев 2004: 325). Москва становится для Дарьи своего рода «духовным Петербургом», городом соблазна, блеска, наваждения.

Город на Неве, по замечанию Ю.М. Лотмана, изначально должен был в одно и то же время быть и символическим центром России, каковым до него была Москва, и анти-Москвой как антитезой России. (Лотман 1992: 20), в культуре XIX века с ним связано ощущение «гибельности, подталкивающей к блужданиям и заблуждениям» (Меднис 2003: 28). В русской культуре сложилось противопоставление Петербурга Москве, которое строилось по одной из двух схем: по одной из них «бездушный, казенный, казарменный, официальный, неестественно-регулярный, абстрактный, неудобный, выморочный, нерусский Петербург» противопоставлялся «душевной, семейственно-интимной, патриархальной, уютной, «почвенно-реальной»,

естественной, русской» Москве. По другой схеме «Петербург как цивилизованный, культурный, планомерно организованный, логично-правильный, гармоничный, европейский город противопоставлялся Москве как хаотичной, беспорядочной, противоречащей логике, полуазиатской деревне» (Топоров 1995: 269). Н.В. Гоголь в «Петербургских записках 1836 года» писал об этом так: «Она еще до сих пор русская борода, а он уже аккуратный немец. Как раскинулась, как расширилась старая Москва! Какая она нечесаная! Как сдвинулся, как вытянулся в струнку щеголь Петербург! [...] Москва — старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете. Петербург — разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и похаживает на кордоне, охарашиваясь перед Европой». В XX веке таким щеголем для Шмелева становится Москва: через сто лет смысловые границы между городами стираются, на смену «домоседке» приходит «опытнейшая сводня», «бабенка» «тетя Паня», увлекающая Дариньку в порок и грех.

Символично в этом смысле название главы, в которой описаны обстоятельства отъезда Виктора и Дарьи под Мценск — «Исход». Оно отсылает читателя к книге Ветхого Завета, повествующей о выходе евреев из египетского рабства, приготовленном им Самим Богом: «И сказал Господь: Я увидел страдания народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его. И иду избавить его от руки египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед» (Исх, 3: 7-8). Так и Виктор Вейденгаммер говорит о переезде как о предначертанном в «наджизненном Plane»: «События устремлялись, узлы как-то сами рассекались: всё совершалось, как по плану, — «выталкивало и направляло, куда н у ж н о» (Шмелев 2004: 339).

В святоотеческом толковании исход трактуется как избавление человека от власти греха, чем для героев и становится смена места жительства. Не зря в эпизоде их приезда в Мценск присутствует пасхальная тема: «... и от этого света было пасхально-радостно <...> И правда: яйца, чашки, молоко в бутылке... — всё было радостное, пасхальное» (Шмелев 2004: 351).

Столица, терявшая на рубеже веков внутреннюю связь с высшими нравственно-духовными ценностями (а идея «Москва — третий Рим» традиционно делала благочестие главной чертой и основой мощи Москвы), не смогла помочь героям в достижении идеала внутренней жизни: «А в Москве суета, не жизнь. Ведь жизнь... это когда душа покойна в Господе» (Шмелев 2004: 359).

В такой Москве легко заблудиться как в пространственном, так и в бытийном смысле, что четко видно при описании города И.С. Шмелевым.

При формировании литературного образа города необходимо выделять доминантные, смысловые точки, по которым он опознается. Они составляют подобие образного каркаса, который позволяет отличить один город от другого. Это приводит к необходимости определить те качества города как материального объекта, которые способны формировать живо опознаваемые и полезные образы предметного окружения героев произведения, то есть то, что К. Линч называет «вообразимостью»: «... объекты не просто можно видеть, но они навязывают себя чувствам обостренно и интенсивно» (Линч 1982: 163). Степень вообразимости напрямую связана со структурой запоминания не только на уровне материальных объектов, но и на уровне переживания. Каждая доминантная точка, воспроизведенная в памяти, «работает» как реминисценция цельного городского текста, возвращая

субъекту пережитые ранее ощущения, и служит толчком к воплощению образа в слове, красках, звуках.

Москва как город, организованное пространство проявляется в тексте через набор ключевых денотатов, характерных именно для нее. Одновременно реалии Москвы имеют доминантные точки, связанные с духовной жизнью главных героев.

1. Улицы, переулки. В тексте упомянуто более тридцати названий улиц Москвы: «Бульварами, Тверской, к театрам. Какие магазины, роскошь, моды... Проехали Петровкой. Вернулись на Кузнецкий Мост. На углу был дом барона. На Лубянку. Никольской и рядами. Остановись!... В Благодородном собрании маскарад! По Неглинной» (Шмелев 2004: 213). Это мелькание, кружение улиц, шикарных магазинов, развлечений передает и внутреннее состояние в период ее увлечения молодым офицером Нагаевым: «голова у Дашеньки кружилась», «отовсюду кричал соблазн», «от этого кружения голова у Дариньки кружилась, дремали мысли», «события налетали и кружили, не давали ей одуматься, сбивали ее с пути» (Шмелев 2004: 253). Неупорядоченная, бесплановая топика Москвы, трудно преодолимая даже для коренного жителя, в сочетании со стихиями природы таит в себе нечто зловещее, даже враждебное: «Они долго блуждали в переулках» (Шмелев 2004: 298), «на бульваре мело, как в поле», «Тверская-то она Тверская, да спряталась» (Шмелев 2004: 312).

Только переулки создают другой образ города, делая его домашним, уютным, в чем-то провинциальным. В таком переулке живут и главные герои, что подчеркивает ценность для них спокойной жизни, стремления к окружающей и внутренней тишине, упорядоченности, спокойствию.

2. Здания. Знаковое для Москвы здание, ее сердце – Кремль – наделено одним не раз повторяющимся эпитетом «пустынный», интенсивно подчеркивающим разрушение прежних патриархальных, традиционных устоев жизни, которые он воплощает.

Постоянное присутствие в тексте Страстного монастыря объясняется как обстоятельствами жизни Дарьи Королевой (она была в нем послушницей), так и символичностью его названия. Во-первых, духовная борьба со страстями – главный нерв романа, отраженный и в названиях глав: «Искушение», «Грехопадение», «Злое обстояние», «Дьявольское поспешение» и др.; во-вторых, терпение страданий (второе значение слова «страсть») становится необходимым условием для очищения души. «Ишь, быстроглазая, в монашки хочешь... А кто возок-то твой повезет?... Потомись, потомись... вези возок. Без вины виновата, а неси, вынесешь...», – так говорит старец Варнава Гефсиманский главной героине, утешая ее в скорби (Шмелев 2004: 322).

При посещении Вейденгаммером Страстного монастыря в начале романа происходит столкновение захваченного мирскими искушениями материалиста с атмосферой чистоты и святости. Виктор направляется в обитель с набором устойчивых представлений о монахах как о ханжах, лицемерах, тунеядцах, блудниках (вспомним описание Валаама молодым Шмелевым, в котором представлен практически этот же список: «Я поражен, обрадован. Какое «уважение к личности»! Мне, студенту, не думалось встретить такое «у святошей»! Я уже разрешил вопросы о «тунеядстве» монахов, о «ханжестве», о «ненужности этих пустяков»). Но неожиданно для

себя герой встречает в монастыре чистоту, целомудрие, смирение, «лучезарную доброту» (Любомудров 2004: 23): «Простые слова, самые ходячие слова сказала матушка Агния, но эти слова осветили всего меня, всю мерзость мою показали мне» (Шмелев 2004: 75).

Огромный дом Вейденгаммера – наследство после смерти брата – стоящий в центре города на Тверском бульваре, в который они так и не переехали, тоже становится знаковым: главные герои не сменили тишину и уют домашней жизни на кипение светской жизни и затягивающий грешный мир.

3. Реки. Упоминание о Яузе, Неглинной также формирует представление о реальной Москве, а Москва-река становится местом, на котором решается судьба Дарьи и происходит чудесное явление. В минуту отчаяния она собирается кинуться в реку с Каменного моста, но ее останавливает будочник, который, как оказывается позже, был к тому времени мертв несколько лет. Под видом же его Дарье явился святитель Николай, один из самых почитаемых в России святых, не зря же она, пока бежала к мосту, «все молилась, рекой редела» (Шмелев 2004: 505). Не случайно и появление именно святителя Николая: вдоль всей реки по набережным Москвы стояли двенадцать церквей, посвященных ему.

Москва, таким образом, имеет три уровня изображения:

- Москва как географический объект, в котором происходит действие романа И.С. Шмелева;
- Москва сакральная, определяемая теми доминантными точками, которые отражают внутреннюю жизнь героев (Кремль, монастырь, церкви, дом в переулке);
- Москва бесовская, затягивающая героев в сети греха, увлекающая и отвлекающая от сосредоточенной внутренней жизни (мелькание улиц, рестораны, известные магазины).

Образ города раздваивается: с одной стороны, он разомкнут вовне, в широкую сферу межчеловеческих отношений, в саму эпоху, а с другой – он вступает в глубинное соприкосновение с внутренним миром героев. Внешне блестящий, роскошный, шумный, порочный, он таит в себе людей чистых, верующих, богомольных, «светильников веры» (Дарья, матушка Агафья, Карп, Варнава Гефсиманский), молитвами которых являются и помогают святые, невидимые светскому миру. «Китеж-град» растворяется во «втором Вавилоне», одновременно являясь удерживающей силой, не дающей городу погибнуть.

Следует отметить, что в романе «Пути небесные» писатель актуализирует метафизический смысл образа Москвы: в центре внимания И. Шмелева – не историческая и географическая, а метафизическая Москва, вбирающая в себя напряженные рефлексии о началах и концах земного пути и связи их с путями небесными. В ней особенно остро ощущается разрыв с духовным идеалом русской культуры, что определяет качественную трансформацию классической антитезы Москва – Петербург в творчестве писателей Русского зарубежья.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ЛЕВКИЕВСКАЯ, Е.Е. (1997): «Москва в зеркале современных православных легенд». В кн.: *Лотмановский сборник*, Выпуск 2, Москва.
- ЛИНЧ, К. (1982): *Образ города*. Москва.
- ЛОТМАН, Ю.М. (1992): «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» В кн.: *Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т.* Т. 2. Таллинн.
- ЛЮБОМУДРОВ, А.М. (2004): «Опыт духовного романа («Пути небесные» И.С. Шмелева)». В кн.: *И.С. Шмелев. Пути небесные*. Паломник. Москва.
- МЕДНИС, Н.Е. (2003): *Сверхтексты в русской литературе*. Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
- ТОПОРОВ, В.Н. (1995): «Петербург и “Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему). В кн.: *Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического*. Москва.
- ШМЕЛЕВ, И.С. (2004): *Пути небесные*. Паломник. Москва.